

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

ПРОШУ СЛОВА:

— Товарищи, позаботьтесь о том, чтобы ни один колос не упал с моей головы!

КРОКОДИЛ

№ 22 (1312) МОСКВА 10 АВГУСТА 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

РАНЬШЕ

Засуха (молебен).
(Репродукция с картины художника Г. Г. Мясоедова)

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

ТЕПЕРЬ

— Пошлите воду на поля в 17.00!..

Сергей СМИРНОВ

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ

На прочных стульях, сделанных из дуба,
Уселись пионеры у окна,
И, утерев обветренные губы,
Запела песню
девочка одна.
Запела, чуть смущаясь и краснея.
И, прядь волос на палец накрутив,
Подружка
подхватила вслед за нею
Давным-давно бытующий мотив.
И смуглые от южного загара
Ребята из соседней нам земли —
Бесспорно, музыкальные болгары —
Уже в мотив
два голоса вплели.
И вот уже взлетает, словно птица,
Румынки голос, светел и высок.
А ей аккомпанируя,
струится
Студента-чеха
Бархатный басок.
Поют посланцы быстрого Дуная,
Поют над Волгой-матушкой рекой,
Что
я другой такой страны не знаю,
И — факт,
Что больше нет страны такой!
Смеётся юность, вечно молодая.
Навстречу ветер —
он пьянит, как хмель.
Гроза, куда-то молнии кидая,
Бежит от нас
за тридевять земель.
И нашей песне
сам фарватер тесен.
Огни, огни...
Огням потерян счёт.
И Волга,
словно лучшая из песен,
Не в Каспий,
А в грядущее течёт!

Александр ЯШИН

О ПОГОДЕ

Опять гроза и рвёт и мечет
И в Волгу молнии летят.
Без солнца полдень, словно вечер,
Клубятся тучи — чёрный чад.

Чуть просиял над Щербаковом,
Над Костромою небосвод —
И снова гром,
И холод снова,
Как будто осень у ворот.

Июль дождлив не по закону,
Он не своей красив красой —
Циклон проходит за циклоном
Над среднерусской полосой.

А нам бы тихую погоду,
Чтоб не шумели волны зря,
Чтоб улыбались теплоходу
На трассе волжской все моря!

И солнце праздничное надо,
Пусть ярче будет шёлк знамён:
Идём к твердыням Сталинграда,
На Волго-Дон,
На Волго-Дон.

Всесилен — в это верим страстно, —
Велик советский человек.
Труду и воле всё подвластно —
Пути ветров, теченья рек.

И захотелось, чтоб под вечер
Вдруг можно было позвонить:
— Москва! Чем занят там диспетчер?
Пора погоду заменить!

Теплоход «Иосиф Сталин».

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Картина посвящается ряду районов Орловской, Брянской, Рязанской и Воронежской областей, затягивающих заготовку кормов.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ

Среди многочисленных симфоний Гайдна одна носит название Прощальной. Её исполняют иногда в театрализованном виде — так, как она исполнялась впервые в конце XVIII века.

Зал погружён в полумрак. На эстраде разместился небольшой оркестр, у каждого на пюпитре свеча, дирижирует Гайдн. Первые три части проходят, как обычно. Финал звучит минорно. Встаёт один из музыкантов, кладёт на стул скрипку, гасит свечу на своём пюпитре и тихо уходит. За ним другой, третий... Осторожно прислонив к стулу свой громоздкий инструмент, покидает эстраду контрабасист. Одна за другой гаснут свечи, на эстраде всё темнее. Всё жалобней звучит мелодия. Вот и дирижёр положил свою палочку и ушёл. В полной темноте, озаряемой одинокой свечкой, грустно пиликает последняя скрипка... Замолкла и она. Погасла свеча. Тьма. Конец.

Программка разъясняет слушателю содержание Прощальной симфонии.

Гайдн и его оркестр состояли на службе у знатнейшего австрийского князя Эстергази. Князь любил музыку, но все попечения об оркестре и композиторе передоверил своим управляющим. Оркестр попал в тяжёлое материальное и моральное положение, а жалобы не доходили до владельца. Гайдн решил демонстрацией привлечь внимание князя к оркестру. Так была задумана Прощальная симфония.

Мы весьма рекомендуем превосходному симфоническому оркестру коллектива научных работников Москвы включить в свой репертуар Прощальную симфонию Гайдна. Пусть раздобудутся свечами и воспроизведут внешнюю картину её первого исполнения. В финале профессор, доктор технических наук Г. Г. Калиш, осторожно положит свою скрипку в футляр, потушит свечу и уйдёт с эстрады. Вскоре после этого профессор, доктор технических наук Я. А. Пратусевич тихонько развинтит свой кларнет, дунет на свечу и уйдёт на цыпочках. За ним то же самое проделает профессор, доктор химических наук, полковник Л. В. Радушкевич. Так постепенно погаснут все свечи, уйдут все музыканты. Последней жалобно пропищит скрипка профессора, доктора медицинских наук И. И. Шиманко.

А потом общие аплодисменты благодарного зала в Доме учёных. И выйдут раскланиваться перед публикой не дирижёр и не музыканты, а работники культурно-массового отдела ВЦСПС, Московского областного совета профсоюзов, обкома союза работников высшей школы и научных учреждений. Это им принадлежит постановка Прощальной симфонии.

В программке слушатели прочтут: свыше восемнадцати лет существует в Москве коллектив художественной самодеятельности научных работников Москвы, в его составе симфонический оркестр и хоровая капелла; под заботливой опекой обкома профсоюза, пользуясь гостеприимством Дома учёных, оркестр вырос в крупный творческий коллектив.

Жить бы этому оркестру и развиваться дальше, но неожиданно выяснилось, что он является не любимым, законным детищем обкома профсоюза, а плодом его несчастной, незаконной любви. В каком-то подотделе какой-то статьи нет такого параграфа, который бы позволил обкому содержать при себе оркестр. Оркестр может состоять только при клубе.

Обком профсоюза и оркестр научных работников оказались в том самом положении, которое так выразительно описано в известном стихотворении Пушкина:

> Под вечер, осенью ненастной
> В пустынных дева шла местах
> И тайный плод любви несчастной
> Держала в трепетных руках.

Конечно, профсоюзная дева проделала то же, что и пушкинская:

> Склонилась, тихо положила
> Младенца на порог чужой...

Она тихонько положила несчастный музыкальный плод на ступеньки клуба МГУ.

Но у клуба МГУ своих музыкальных младенцев полная хата: свой оркестр, свой хор, кружки и т. д.; оказалось, что совместить докторов всяких наук, профессоров с юными студентами — это дело сложное. И руководители клуба отнеслись к подкидышу прохладно, и подкидыш почувствовал себя неуютно.

Что же касается обкома профсоюза, то он решил, что дело сделано, и прекратил выдачу средств.

Оркестру остаётся одно — разваливаться. Вот о чём жалобно поёт финал Прощальной симфонии, пока профсоюзные мудрецы придумывают, как оформить выдачу оркестру ассигнованных по профсоюзному бюджету средств.

Ни одного противника у оркестра нет. Есть только благожелатели. Но у семи профсоюзных благожелателей музыкальное дитя рискует протянуть ноги. Трудно было в течение восемнадцати лет воспитать и сплотить образцовый коллектив. Этим заняты были десятки самоотверженных любителей искусства. Но развалить оркестр может в одну неделю один равнодушный профсоюзный работник...

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Любовь РЫСС

В НЕСЛОЖНЫЕ хозяйственные обязанности Люды входит покупка хлебного кваса для окрошки. Ларёк, в котором продаётся квас, недалеко, в конце переулка, но домой Люда возвращается долго, маленькими, неторопливыми шагами. Спешить некуда. Дома никого нет. Папа в тресте, а у мамы сегодня занятия на курсах, где она второй год учится кроить и сшивать материю.

Послышался басистый автомобильный сигнал, из-за угла показался автобус. Впереди весело хлопали на ветру красные флажки, а из окон машины выглядывали детские лица.

«Пионеры поехали в лагерь!» — подумала Люда и с интересом остановилась. Но автобус быстро промчался мимо, оставив за собой обрывок дружной, звонкой песни.

Дойдя до середины переулка, Люда опять остановилась и отпила немного квасу. Вкусный квас, холодный! А в городе жарко, душно... Люда могла бы хорошо отдохнуть во время каникул, если бы мама и папа не спорили вечно друг с другом. В этом году, когда папа хотел отправить Люду в пионерский лагерь своего треста, маме обязательно захотелось снять дачу. Поехать же на дачу она сама не смогла, потому что нужно на курсах резать и сшивать материю. Тогда решили отправить Люду на дачу с бабушкой, но та заупрямилась:

— Ни за что! Я по горло сыта и тем, что раз в неделю к вам в гости прихожу!.. Будете каждый вечер ездить, всякие споры вести... Не для моего это здоровья — слушать вас да смотреть, как вы одного-единственного ребёнка воспитать не умеете!..

Потом бабушка что-то таинственно шептала, прикрывая рот сморщенной рукой и поглядывая на Люду, а папа, снисходительно улыбаясь, громко говорил ей:

— Ничего, ничего! Это в старое время такой метод воспитания применялся, что дети ничего не знали. Теперь на этот счёт другая точка зрения... Люда уже взрослая... Молодое, подрастающее поколение должно всё видеть, знать, во всё вникать, уметь произвести глубокий анализ, делать выводы и принимать правильные решения... Не следует бояться спора: в нём рождается истина!..

Тогда бабушка натягивала шаль, поспешно направлялась к выходу, обиженно бросая на ходу:

— Не знаю, кто там рождается, а только одно ясно: пустозвон ты! Ишь наболтал, ишь наболтал! Голова кругом пошла! И как тебя на службе держат?.. Тьфу!.. Ноги моей больше в этом доме не будет!

Правда, бабушка очень добрая, она скоро забыла о ноге (той, которая не должна быть в этом доме) и пришла сказать, что согласна быть с Людой на даче. Но к этому времени у мамы возникла совсем новая идея: к концу лета она возьмёт с собой Люду в Сочи. Опять был спор, и в результате папа и мама «остались при своих мнениях», а Люда осталась в городе.

Вот Люда и дома. Она поставила бидон на буфет, а потом наклонила его, чтобы отпить ещё совсем чуточку. И — о, ужас! — бидон опрокинулся, и по свеженатёртому паркету растеклась бурая лужа. Ну вот! Вечер испорчен. Папино лицо сразу вытянется, и он тягучим голосом будет спорить с мамой о методах воспитания.

Девочка долго пыхтела, старательно подтирая пол, а потом решила, что безопаснее будет сказать, будто она не пролила, а выпила квас. Очень жарко... Хотелось пить...

Наступил вечер. Папа не кричал. Он никогда не кричит. Папа потянулся к графину, налил в стакан воды и поставил перед собой на край стола. Люда хорошо знала, что за этим последует, и ей сразу стало очень скучно.

— Это результат твоего воспитания,— сказал папа маме чужим и каким-то одинаковым голосом, помахивая в воздухе правой рукой.— К сожалению, ты растишь холодного, чёрствого эгоиста, способного на плохие поступки.

Папа строго посмотрел на маму и отпил большой глоток воды. Потом, переводя взгляд куда-то на верхнюю полку книжного шкафа, он продолжал:

— Опасен ли этот поступок? Да, безусловно, опасен! Опасен постольку, поскольку каждая капля выпитого кваса говорит о зарождающемся в Людмиле бездушно-формальном отношении к порученному делу... Больше того: он говорит о том, что Людмила ставит свои интересы выше общих... Твой метод воспитания, основанный...

Люда с уважением оглянулась на верхнюю полку книжного шкафа, откуда папа, как видно, брал все эти умные, непонятные слова.

— Ничего страшного! — вдруг решительно вклинилась мама в размеренную речь отца.— Ничего страшного! Подумаешь, ребёнку в жару холодного квасу захотелось! Ну и выпила! Ну и на здоровье! Обойдёшься денёк без окрошки, ничего с тобой не случится... А насчёт воспитания лучше давай помолчим. Ребёнок от тебя слова ласкового не слышит... Ты бы всё-таки поинтересовался...

Люда подходит ближе к окну и косится в ту сторону, где во дворе среди группы девочек заманчиво мелькают в воздухе верёвки-скакалки. Мимо окна пробегает Лёнька в одних трусиках, с облупленным носом. В его руке пачка мороженого, которое тает и стекает соблазнительными ручейками. Люда завистливо облизывается. Ей не разрешено кушать мороженое с тех пор, как однажды мама повела её в кафе. Там они сидели долго и ели много прохладных шариков, белых, розовых, коричневых. А потом Люда заболела бронхитом, и папа долго говорил маме о невоздержанности в пище, о том, что в семье с ним не считаются и подрывают его авторитет как отца и дискредитируют его в глазах дочери.

В общем, мороженое Люда давно не ест: летом нельзя, а зимой почему-то совсем не хочется!

Люда отвернулась от окна. Она уже здорово проголодалась, но мама и папа так увлеклись спором о «выпитом» квасе, что совсем забыли про обед. Наконец мама направилась в кухню разогреть жаркое. Вдруг она заметила на полу бурое пятно, растерянно остановилась, вернулась и, дёрнув Люду за руку, спросила:

— Это что та-ко-е? Как э-то на-зы-ва-ет-ся?

Люда поёжилась. Она знала, что, когда мама начинает говорить слогами, дело плохо.

Папа тоже взглянул на пол и всё понял: квас пролит... Он поднял глаза к верхней полке шкафа и начал не таким тягучим, как обычно, голосом:

— Отвратительно! Скверная девчонка!.. Это... это ниже всякой критики!

Люда не знала, что такое критика и какого она роста, но под необычно дружным папа-маминым напором и ещё оттого, что услышала от отца такие ясные, простые слова, как «скверная девчонка», почувствовала себя действительно и низкой и скверной. Стало стыдно.

Однако мама, уловив в голосе папы возмущение, моментально преобразилась и воинственно перекинула через плечо кухонное полотенце.

— Прежде чем кричать, разберись... Кто виноват? Кто, я спрашиваю? Ты, и только ты! Одни угрозы, упрёки, наставления... Ты запугал ребёнка! Что ему остаётся делать? Естественно, что он ищет выхода из создавшегося положения, пускается на обман... Добром нужно воспитывать детей, лаской... внушением... Да, да, да! А теперь поздно! Теперь можно ждать всего! Теперь можно ждать, что ребёнок вырастет...

Когда мама начала говорить, Люда обрадовалась. «Должно быть, я запугана,— с облегчением подумала девочка,— должно быть, я ищу выхода...» И она прислушалась, чем же ещё, со слов мамы, можно себя оправдать. Но тут опять заговорил папа.

— Интересно,— ледяным тоном прервал он маму,— могу я наконец сегодня в этом доме пообедать, или мне придётся пойти в столовую?

После обеда, прошедшего в томительной тишине, Люда хотела убежать во двор, но папа не позволил:

— Сиди дома. Нечего тебе во дворе делать! Отдай себе отчёт в своих поступках!

Люда села у окна и, с завистью глядя на всё ещё мелькающие верёвки-скакалки, задумалась. Она думала о том, что это очень трудно — «отдать отчёт», когда не знаешь даже, как к этому приступить... И посоветоваться ведь не с кем!

На следующее утро мама сказала необычайно тихо и кротко:

— Знаешь, Сергей, пожалуй, ты прав! Люда уже взрослая, сознание её сейчас формируется. Ты хотел отправить Люду в пионерлагерь. Правильно! Подавай заявление... Ещё не поздно!

Папа удивлённо развёл руками и, подняв глаза к верхней полке книжного шкафа, заговорил:

— Что за паника? Что, собственно, произошло? Люда пролила квас, вследствие чего не состоялась окрошка! Великое дело!.. Нельзя же превращать окрошку в... слона! — Папа улыбнулся своей остроте и, равномерно помахивая правой рукой, продолжал: — Зачем пионерский лагерь? Разве мы сами не можем воспитывать Люду? А наш личный пример? И к тому же... Я категорически протестую... Рано отпускать её одну в лагерь.

— Но позволь! Ты же сам...

— Не позволю. Я считаю нецелесообразным с точки зрения...

Люда нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Заметив, что на столе появился стакан с водой (значит, спор затянется), она тихонько выскользнула за дверь и вприпрыжку побежала по двору.

Как она решилась? Да так! Конечно, кто-нибудь (папа или мама) будет её ругать, но кто-нибудь (папа или мама) обязательно будет её защищать.

Значит, всё обойдётся!

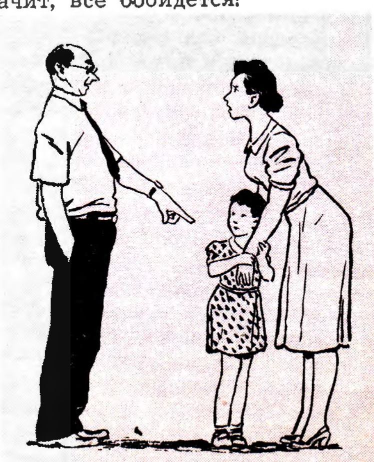

Рис. Г. ВАЛЬКА

Степан ОЛЕЙНИК

КАПИТАН

Ни разу не видел я ширь океана,
Не плыл никогда на морском корабле.
А люди назвали меня капитаном,
Хотя свой корабль
Я веду по земле.

Весь день я на мостике... Ветер да птицы,
Просторы бескрайные, рейс боевой...
По строгому курсу, морями пшеницы,
Всё дальше веду я
Дредноут степной.

А море приливом звенит урожайным,
А рейсы такие, что — раз... и гектар!
Зовут вообще мой дредноут комбайном,
Знакомая марка на нём — «Коммунар».
Я брат капитана морского! Я знаю,
Что наша работа и доля одна.
У ног морехода
волна голубая,

А рядом со мной
золотая волна.
Мы оба на вахте! Мы бдительны всюду.
Ведь если авария,— ждёт нас одно:
Он сядет на мель и барахтаться будет,
Я
в сводке районной
Спущуся «на дно».

Мы оба овеяны злыми ветрами.
Обоих вовеки с дороги не свесть!..
Однако и разница есть между нами,
Хотя небольшая, но всё-таки есть.

В часы боевой и ответственной смены
Он носит мундир и фуражку свою,
А я на комбайне моём неизменно
В соломенной шляпе
На вахте стою.

На судне — радист, кочегары, матросы,
А песня гудка
и громка и резка.
Моя же команда — Олеся да Фрося!
И нету на мостике
Даже свистка.

Пред нами обоими трудные тропы,
Но разнятся всё-таки наши дела:
Годами он плавает возле Европы,
А я в основном
У родного села.

Хоть, правда (о том говорю не с фасоном!),
И мне довелось на моём корабле
Постранствовать в прошлом году за кордоном,
В чудесных полях
На румынской земле!

Водил я уверенно, чётко, умело
Мой грузный корабль, мой степной агрегат,
Охотно уча комбайнёрскому делу
И взрослых румын, и юнцов, и девчат.

С особым стараньем, с особым запалом
Трудились бригады румынских крестьян.
Бывало, скажу:— Эй, гляди за штурвалом!—
И слышу немедленно:
— Есть, капитан!

...Приблизилась жатва. И мне, капитану,
Пора от причала-двора отойти,
Чтоб точно по графику, точно по плану
Морями-полями
Корабль повести.

Рабочие дни хороши и погожи.
Чудесны просторы советской земли!..
С морским капитаном мы тем и похожи,
Что к славе
Отчизны ведём корабли!

Его после рейса с охапкой букетов
Товарищи встретят в порту на заре,
Как встретят меня
со словами привета
Друзья
на широком колхозном дворе!

Перевёл с украинского
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА

ТАБЕЛЬ О СОРЕВНОВАНИИ

К КОНЦУ рабочего дня, когда изнурительный самаркандский зной начинает спадать, члены месткома Научно-исследовательского института каракулеводства собираются за большим столом, покрытым для солидности зелёной материей. На столе, по правую руку председателя, большие конторские счёты. Перед секретарём — стопка мелко разграфлённых ведомостей.

— Переходим, — говорит председательствующий, — к следующему участнику соревнования. Надо подбить счёт Ивана Ивановича. Какие будут предложения?

Как издавна принято на всех профсоюзных заседаниях, для начала выдерживается изрядная пауза. Потом раздаётся уверенный голос с места:

— Тут всё ясно. Отделом он заведует? Заведует. За выполнением плана следит? Следит. Ну, и выведите ему положенные десять баллов!

— Правильно! — щёлкая на счётах, отзывается председатель. — Приплюсовали! Ещё что?

Секретарь напоминает, что за разработку консультации по заготовке кормов Ивану Ивановичу причитается семь баллов. Снова наступает пауза, и вдруг кто-то вспоминает:

— А на совещании в каракулеводческом тресте он даром, что ли, сидел? За это, небось, тоже семь баллов положено!

— Ну, семь, положим, много, — возражает председатель. — Ведь до конца совещания он всё-таки не усидел. Значит, два балла со счетов долой! Согласны?

Возражений не поступает. Но счёт ещё не закрыт. Всё тот же дружеский голос с места ратует:

— А ведь он ещё две заметки в стенную газету написал! Дать ему за каждую заметку по три балла!

До этого момента всё идёт в общем чинно и гладко. Но тут возникает резкий протест:

— За такие коротышки по три балла? И по два за глаза хватит!

— А по-моему, — нерешительно возражает кто-то, — заметки были как будто ничего себе, довольно толковые. Можно бы дать и по три.

— Много! — упорствует заскупившийся месткомовец.

— Знаете что? — примиряюще улыбается председатель. — Давайте, как говорится, разделим грех пополам. Пять баллов за пару, идёт?

Достигнув полюбовного соглашения о цене заметок, местком переходит к обсуждению прочих показателей. За сдачу двух экзаменов в счёт кандидатского минимума Ивану Ивановичу выставляются по профсоюзной линии сорок баллов. За выбор темы для диссертации — ещё восемь. За встречу с передовиками животноводства — семь. За доклад на общем собрании — десять... А когда поток предложений иссякает, председательствующий быстро производит окончательные подсчёты, сводит дебет с кредитом и торжественно объявляет:

— Заявка подана на двести семьдесят баллов! Набрано сто восемьдесят баллов! Конечный результат — шестьдесят шесть целых и семь десятых процента!

Потом уже более спокойно добавляет:

— Так и запишем. Можно переходить к следующему...

Следующий — Пётр Петрович. Его показатели учитываются с такой же бухгалтерской точностью. За доклад на Учёном совете присчитываются десять баллов. За участие в работе месткома — восемь. За две командировки в совхоз — двадцать два. За все прочие перечисленные в протоколе заслуги — в общей сложности сто. И, снова сопоставив дебет с кредитом, председатель возглашает:

— Заявлено двести! Набрано сто сорок! Итог — семьдесят процентов! Можно поздравить Петра Петровича: пока он впереди. Переходим к следующему...

Этому трудно поверить, но в Самаркандском научно-исследовательском институте каракулеводства соревнование организовано именно таким образом. Поучаствовал, скажем, Николай Николаевич где-нибудь в колхозе по отбору поголовья ягнят — и ему начисляют двадцать баллов. Поручили Фёдору Прокофьевичу руководить каким-то кружком — и эта работа не пропадёт даром: извольте получить двадцать пять баллов. Прочитал книжку — ещё плюс пятнадцать баллов.

Организаторы этого нового вида соревнования не забыли и о себе. За руководство партийной и профсоюзной работой института им начисляется по десяти баллов.

Нам кажется, что эта цифра из скромности ими явно занижена.

С. ШЕВЕЛЕВ

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Министерство кинематографии экранизировало ряд выдающихся театральных постановок.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— В прошлом году мы были в Москве в Малом театре, а в этом году он к нам приехал!

Александр НИКОЛАЕВ

СЛУЧАЙ С ДЫШЛОМ

Ни с того, ни с сего началась канитель.
В промартели однажды случилась запарка.
Поднята была на ноги вся промартель.
А причина: телега-бестарка.

Председатель собрал весь артельный народ.
Слово кучеру дали:
— Как всё это вышло?
— Очень просто, — сказал он. —
У самых ворот
Поворот — и сломалося дышло...

Снарядили за дышлом бывалых гонцов,
И гонцы промартели разъехались вскоре
В Казахстан и в Баку, в Кишинёв и в Ростов,
В Ленинград и на Чёрное море.

Сколько смётки они проявили в пути,
Сколько ловкости, гибкости, сколько сноровки!
Только дышла нигде не сумели найти,
Лишь отметили командировки.

А бестарка уж ходит с дышлом давно.
Вновь спросили у кучера:
— Как это вышло?
— Взял я в руки топор, обтесал им бревно —
Вот тебе и готовое дышло!

ВЗАИМООБСЛУЖИВАНИЕ

Некоторые новые жилые дома сдаются в эксплуатацию с целым рядом недоделок.

Рис. Е. ГОРОХОВА

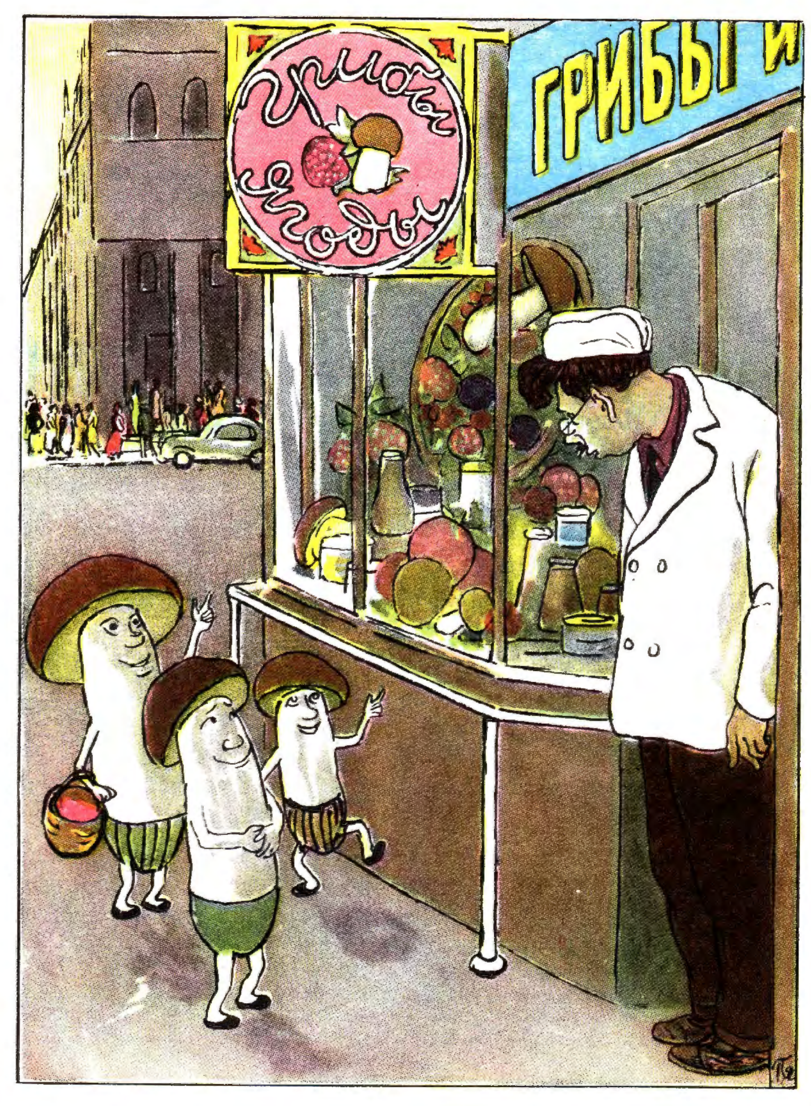
— Разрешите у вас помыться. В нашей квартире ванная ещё не действует!

— А мне разрешите приготовить у вас обед. У нас ещё газовую плиту не поставили!

ВИТРИНА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В магазинах «Грибы, ягоды» часто нет в продаже грибов и ягод.

Рис. Л. ГЕНЧА

— Иной соврёт, так слушать противно, а здесь вон как красиво лгут!

ДЕСЯТОЕ ОБЕЩАНИЕ

В БАКУ, на улице Рылеева, царило необычайное оживление: закладывали фундамент нового жилого дома. На торжестве раздавались возгласы приветствий, поздравления.

В тот же день в местные партийные и советские организации полетели радужные рапорты:

«В торжественной обстановке начато строительство жилого дома на двенадцать квартир. Заверяем и обещаем завершить начатое с честью...»

Было это двенадцать лет назад.

Предполагаемые жильцы заложенного дома за это время несколько постарели. У них выросли дети. На улице Рылеева выросли новые дома.

Но дом из двенадцати квартир всё ещё не сдан. Уже девять раз строители били себя в грудь и клялись:

— Дорогие товарищи! Мы уже накануне! Мы уже одной ногой стоим на пороге нового жилища! Не за горами тот счастливый день, когда мы обеими ногами переступим порог квартир! Не за горами всё это, товарищи!

Неизвестно, какие горы имели в виду строители, но за горами строительного мусора не видать пока конца этой строительной канители.

Кто же они, мастера затянувшейся стройки?

Это Николай Иванович Евтух, начальник «Южкаспрыбстроя» Министерства рыбной промышленности СССР, и его верный соратник по недостройке Дростамат Григорьевич Айрапетян.

Совсем недавно оба начальника дали д е с я т о е по счёту обещание. При этом они опять били себя в грудь, клялись в самое ближайшее время завершить строительство дома и незамедлительно отпраздновать новоселье.

Не сказали только, что они понимают под «ближайшим временем». Год, два, пять лет?.. Ведь на языке товарищей Евтуха и Айрапетяна «ближайшее время» — понятие весьма растяжимое.

Б. МАРТИРОСОВ

г. Баку.

Народ, попавший в беду

НЕДАВНО обозреватель токийского радио выступил со «своими» комментариями по поводу жизни японского народа, не рискнув, конечно, начистоту рассказать о действительном положении вещей. Однако сквозь триумфальные фразы радиокомментатора истина нет-нет да и проступает.

«Японский народ живёт хорошо и иногда может даже позволить себе небольшие излишества! — радостно восклицает он и тут же добавляет: — Но первое впечатление не должно вводить в заблуждение иностранцев».

«Лавки и универсальные магазины переполнены народом, — снова умиляется радиокомментатор, но тотчас же уточняет: — Хотя покупают лишь немногие, и то недорогие вещи».

«Рестораны предлагают самые лучшие и самые дорогие кушанья по вкусу каждого, — продолжает обозреватель и снова жарит скороговорочкой: — Но посещение ресторанов доступно только некоторым японцам».

«Японцы стали жить даже лучше, чем до войны, — веселится обозреватель, заставляя себя, однако, процедить сквозь зубы: — Но ясно, что этого мнения придерживаются люди, жизненный уровень которых выше среднего». «Такие люди есть! — восклицает обозреватель и тут же признаётся: — Но они составляют очень небольшой процент населения».

Да! Должно быть что-то страшное в нынешней жизни японского народа, если даже официальный радиообозреватель не может обойтись без крупицы правды!

Земля Японии обильно полита кровью и слезами её трудового народа. Этот народ попал в беду. Его приковывают кандалами рабства к колеснице третьей мировой войны, затеваемой новыми претендентами на мировое господство. Янки попрежнему остаются хозяевами Японии.

Американская каторга — так характеризуют японские рабочие обстановку на предприятиях, работающих на американскую военщину.

«Рабочий день на японских предприятиях составляет не менее 12–14 часов, — отмечает китайский журнал «Шицзечжиши». — Повсюду установлен строгий надзор за рабочими, и им не разрешается даже вытирать пот с лица во время работы».

На Америку работает и японский крестьянин.

«У крестьян отбирают почти половину урожая по цене ниже, чем производственные затраты крестьян на выращивание урожая. Они вынуждены продавать и покидать свои земли», — сообщает агентство Синьхуа.

Японское радио не осмеливается говорить о причинах голода в стране. Оно сетует на то, что японцы должны «ежедневно кушать рис три раза в день».

«Нас должны извинить за это человеческое и основное желание, — упрашивает радиокомментатор, напоминая о том, что японцы почти не видят в своём рационе риса — это национальное блюдо японца. — Средняя японская семья не может позволить себе три раза в день есть рис. Для иностранцев, не употребляющих риса, это может показаться не таким большим ударом. Однако для японцев, будь то бедняк или глава фирмы, рис является не только важным продуктом питания, но также большой моральной поддержкой».

Янки пришли в чужой монастырь со своим уставом. Они нагло вмешиваются во все стороны материальной и духовной жизни Японии. Пусть желудки японцев перестраиваются с потребления риса на другую еду, которую предложит Америка! Пусть японцы живут так, как хочет Америка!

Всё прибирают к своим рукам конквистадоры на Японских островах под флагом США. Они орудуют на суше, они же протянули свои щупальца к японским водам. Напрасно японская печать подняла радостный шум по поводу подписания японо-американо-канадского рыболовного соглашения. Тихий океан превратился во внутреннее море США. Из Японии сообщают: «Воды Тихого океана и Японского моря подобно сетчатому узору покрыты учебными плацами американского военно-морского флота. Рыбаки не имеют права заходить в эти воды, а промысел в этих водах грозит им зверскими убийствами».

На взгляд американской военщины, японский народ — низшая раса. Она считает, что над японцами можно производить различные опыты, как над кроликами или морскими свинками. Она пробует на японцах действие своего оружия с таким хладнокровием, какому могли бы позавидовать палачи Освенцима и Майданека. Атомных дел мастера, например, потребовали в своё распоряжение солдат и офицеров японской армии, находящихся в американском плену. В феврале 20 тысяч военнопленных с Каролинских островов были переброшены на острова Гуам и Уэйк и на Маршальские острова. Эти пленники являются для них лишь объектом испытания эффективности атомного оружия.

Такова Япония сегодня.

Японская газета «Асахи» вопрошает читателей:

«Не стали ли японцы в результате долгих лет оккупации подобострастными или робкими?»

Нет, господа газетчики, не стал японский народ ни подобострастным, ни робким! Он ещё выведет свою страну на широкую дорогу национального возрождения. Чем ночь темней, тем ярче звёзды. Со звёздами, разгорающимися на голубом небе островной страны, сравниваем мы смелых и мужественных борцов за независимость и свободу, которые олицетворяют сейчас ум, честь и совесть Японии.

И. РЯБОВ

Тэд ТИНСЛИ

ЗАБОТЛИВАЯ КОМПАНИЯ

ЖУРНАЛ «Модерн индастри» в статье под заголовком «Идеи, которые оказывают действие» пишет следующее: компания «Моухок карпит миллс» в городе Амстердаме (штат Нью-Йорк) не забывает уволенного ею рабочего. Она высылает ему в течение некоторого времени по почте свою «Домашнюю газету».

Этот трюк используется для того, чтобы показать, сколь заботлива компания. Значит, если «Моухок карпит миллс» увольняет вас, то вам не следует особенно беспокоиться. Маленькая «Домашняя газета» этой компании будет доставляться вам на дом, как будто вы ещё работаете на фабрике этой компании. Это создаёт иллюзию, что компания не забыла вас. Вы, так сказать, не просто лишь спица в колесе.

Когда Арч Фарч был уволен с фабрики этой компании, он несколько дней подряд был задумчив и грустен. Его жена Эдна прилагала все усилия к тому, чтобы подбодрить Арча. И вот в одно прекрасное утро Арч наконец явился к завтраку весёлый.

— Эдна, взгляни-ка! — воскликнул он, размахивая конвертом.

— Компания сиова вызывает тебя на работу? — радостно спросила Эдна.

— Нет, дорогая, она не вызывает меня на работу. Но она прислала мне экземпляр своей «Домашней газеты». Совершенно бесплатно!

— Ешь свою кашу, — печально посоветовала Эдна.

— Видишь, — продолжал Арч, принимаясь за кашу, — компания не забыла меня! Компания информирует меня о том, что происходит на фабрике.

— Послушай, Арч, — спросила Эдна, — почему ты, в свою очередь, не информируешь эту самую компанию о том, как ты живёшь и что с тобой происходит?

— А о чём я буду писать компании?

— О многом! Напиши, например, каким образом ты собираешься заплатить за квартиру, сколько ты задолжал в мелочную лавку и почему агент фирмы швейных машин отобрал у меня швейную машину.

— Я не думаю, что это интересует «Моухок карпит миллс», — возразил Арч.

— И я тоже, — согласилась Эдна.

— Так, — бормотал Фарч, читая газету, — президент компании уходит в отпуск.

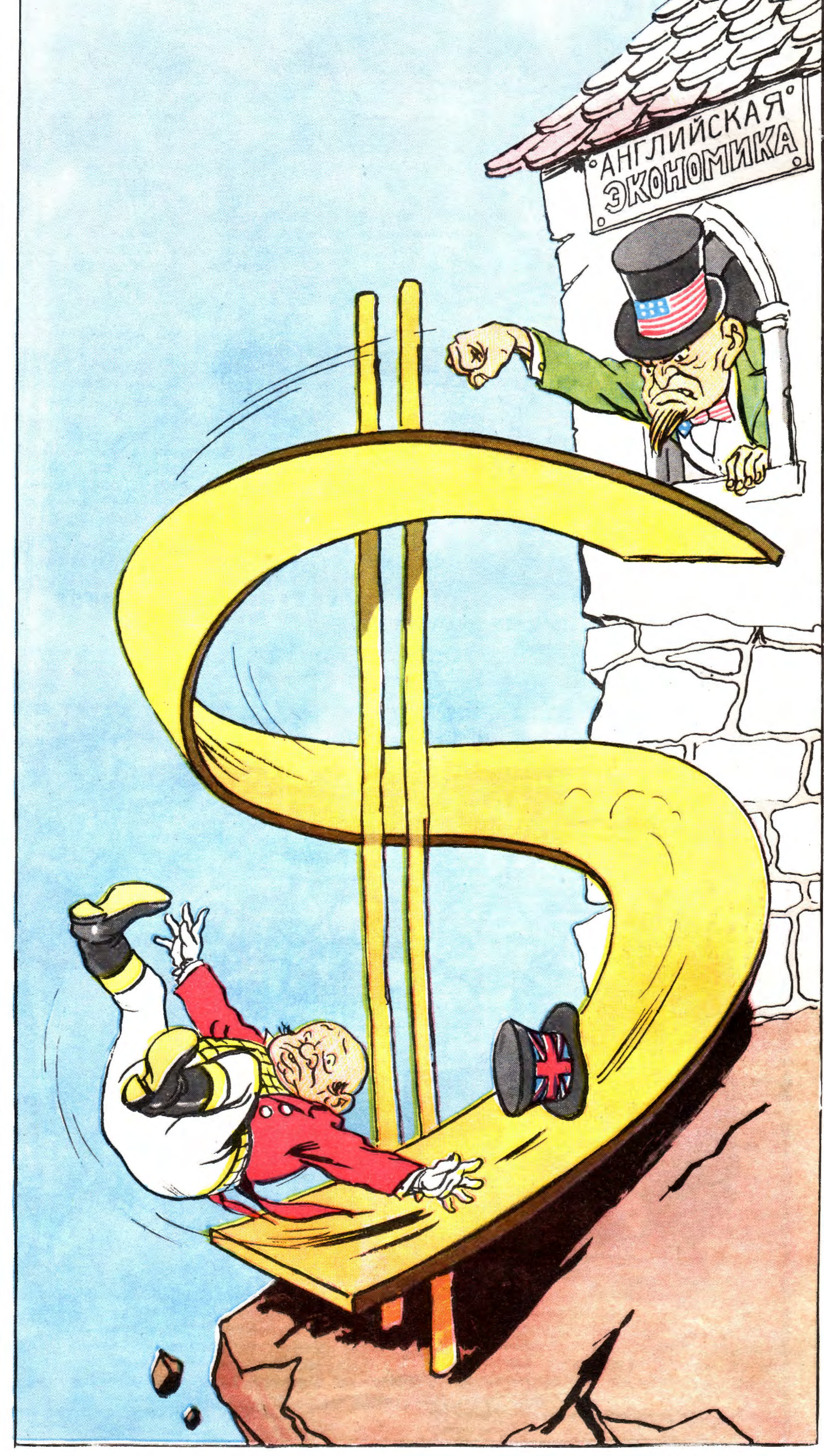
— Вот пока он ещё не уехал, — посоветовала Эдна, — пойди к нему и попроси присылать тебе по почте свиные котлеты, а не «Домашнюю газету». Иначе мне придётся готовить из этой газеты обед...

Перевод с английского из американской газеты «Дейли уоркер»

СПИРАЛЬНЫЙ СПУСК

Английская печать признаёт наличие в английской экономике «понижательной спирали», т. е. сокращение в целом промышленного производства, а также торговли.

Рис. А. БАЖЕНОВА

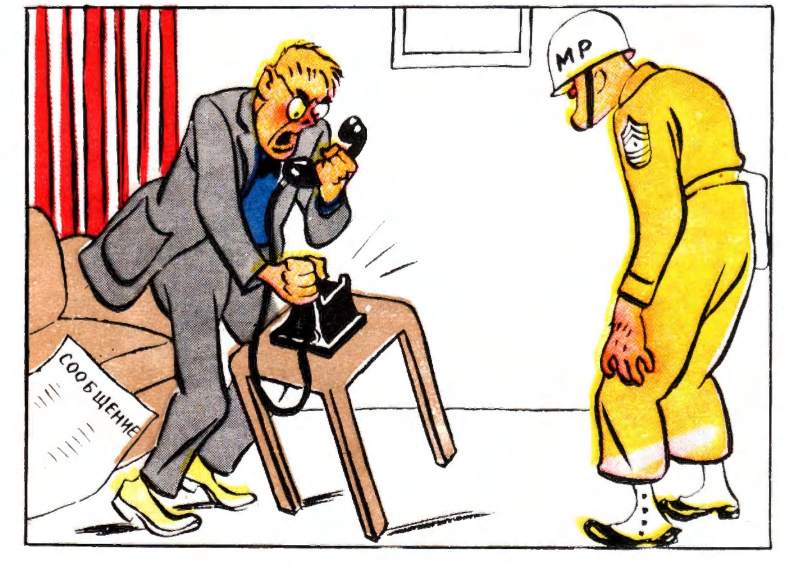

Графическое пояснение экономического положения в «понижательной спирали».

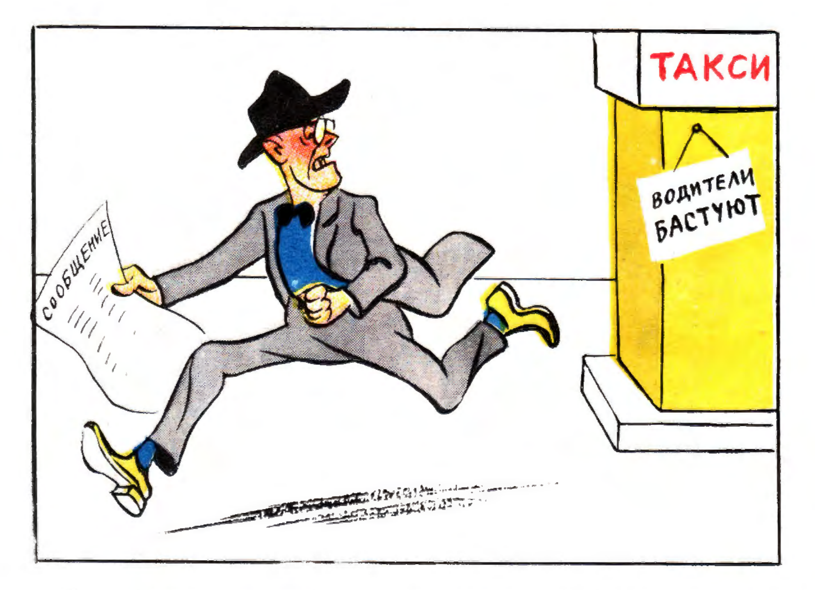
ИСТОРИЯ ОДНОГО ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

В Японии ширится забастовочное движение, направленное против американской оккупации.

Американская военная администрация в Японии решила послать по телеграфу в газеты США опровержение о растущем забастовочном движении в стране. Позвонить на телеграф не удалось — бастовали служащие телефонной станции.

Не удалось отвезти опровержение на телеграф и на машине — началась забастовка шофёров.

Когда же наконец представитель американской администрации добрался до телеграфа пешком, выяснилось, что работники телеграфа бастуют тоже. Пришлось дожидаться случайной оказии, чтобы передать опровержение о забастовках в Японии.

ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

В СТАРИНУ пользовался известностью рассказ о некоем разорившемся в пух и прах оптимисте. Продавая за бесценок последнюю исподнюю рубаху, он хвастал:

— Смотрите, какую оживлённую торговлю я развёртываю!

Этому обнищавшему бодрячку уподобляются сегодня атлантические пропагандисты, доказывающие, будто США облагодетельствовали западноевропейские страны, великодушно ограбив их до нитки. Например, датская газета «Берлингске тиденде» недавно напечатала на своих страницах статью под весёлым заголовком: «Американские базы являются выгодным предприятием». Подобный заголовок, разумеется, никого бы не удивил, если бы газета доказывала, что американские военные базы выгодны для торговцев оружием с Уолл-стрита. Однако «Берлингске тиденде», ссылаясь на своего английского корреспондента, утверждает, будто любая страна, которую США оккупировали, создав на ней свои военные базы, достигла величайшего счастья, а также вершины процветания. Лондонский корреспондент этой газеты призывает в свидетели английскую буржуазную прессу, в частности журнал «Пикчер пост». Сотрудники этого журнала, старательно имитируя телячий восторг, уверяют, что Англия в нынешнем году заработала огромную сумму за аренду территорий, отданных американцам под их военно-воздушные базы. «Пикчер пост» спешит уверить мир, что никогда ещё Британия не была так сказочно богата, как сейчас. «Предоставление баз американцам выгоднее даже, чем обработка земель, на которых расположены эти базы,— захлёбываются наёмные оптимисты. — Имеется возможность заработать доллары за поставку товаров американским войскам на этих базах». Подумать только! Можно, значит, продавать землянику и белые грибы американским солдатам и офицерам!

Высшие английские ловкачи, сумевшие так хитро подсунуть американцам британский суверенитет в обмен на консервированную чечевичную похлёбку, и в самом деле подсчитывают оригинальные барыши, вроде тех, какие получил анекдотический чудак, продавший исподнюю рубаху.

Не так давно лейбористы Безуик и Хьюз задали в палате общин нескромный вопрос: во что обошлось Англии строительство аэродромов для американских военно-воздушных сил? Заместитель министра авиации Уорд, застенчиво потупив очи, назвал сумму в восемь миллионов триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Уорд скромничает! Если подытожить все удивительные выгоды американской «помощи», придётся оперировать куда более круглыми цифрами. Известно, например, что по плану Маршалла Англия получила от США 2,7 миллиарда долларов. А израсходовала она с 1947 по 1950 год на военные цели (как этого требовало соглашение по плану Маршалла) 12 миллиардов долларов, по самым преуменьшенным официальным данным.

Но это ещё далеко не все выгоды! Отдав свои земли под американские военные базы, каждый мирный англичанин получает приятную возможность за те же, как говорится, деньги стать объектом издевательств со стороны вооружённых чужеземцев. Директор большой женской школы в Оксфорде направила недавно всем родителям письма с просьбой не разрешать девочкам появляться на улицах города, иначе над ними учинят насилие американские солдаты и офицеры.

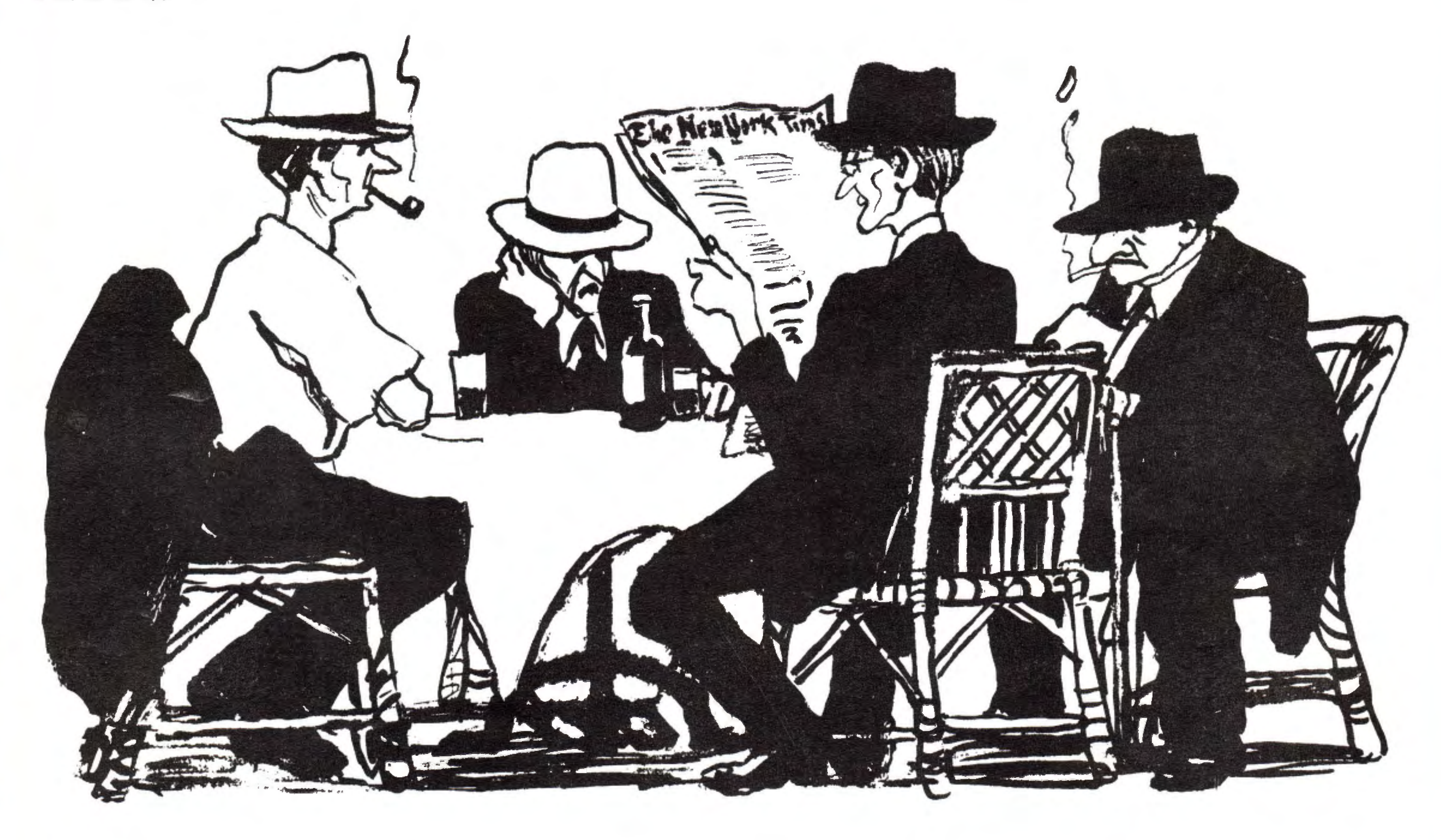
Наконец, любой из жителей маршаллизованных стран может легко убедиться в том, как здорово наживается он на визитах американских гостей, если сделает самое простое сравнение. Достаточно только сопоставить заработки коренных жителей страны и приезжих янки. По хвастливому признанию американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в оккупированных странах американские стенографистки получают больше, чем местные высшие правительственные чины.

Английская пословица, высмеивающая глупый оптимизм, гласит: «Если небо упадёт, будем ловить жаворонков». Оптимисты западноевропейской прессы выступают с более злободневными утешениями. Они уверяют, что народам выгодно отказаться от родной земли: подумать только, за это ведь можно будет вдоволь получать оскорблений от чужеземного хамья!

Юр. ЧАПЛЫГИН

СРЕДИ МИКОЛАЙЧИКОВ

Рис. Л. БРОДАТЫ

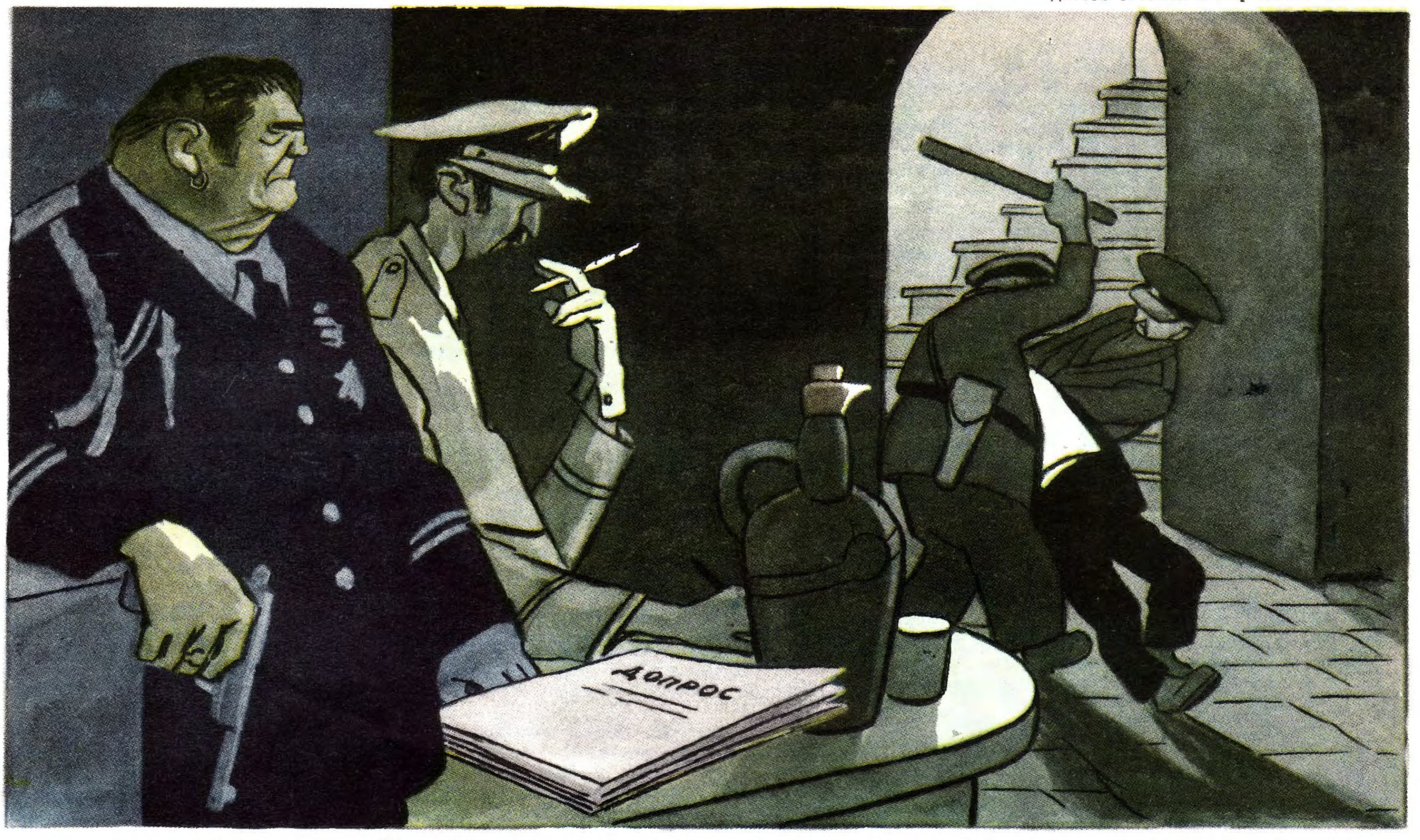

— Я не согласен с новой польской конституцией! В ней нет главной статьи — статьи нашего дохода!

В ТИТОВСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Рис. Бориса ЛЕО

Сорок пять тысяч югославских студентов томятся в тюрьмах Югославии.

— Этот студент имел отличные отметки, а ни на один вопрос не отвечает!

НАСЛЕДСТВЕННОЕ

НА ПЕРВЫЙ взгляд в США есть всё, что полагается иметь респектабельной капиталистической стране.

Есть даже своя статуя Свободы, хотя, правда, изготовлена она во Франции. Зато миллионы безработных — это уж собственноручное творение американского гения предприимчивости. Или возьмём Ку-клукс-клан, организацию, весьма удобную для борьбы с этими безработными и вообще с недовольными. Разве это не чисто американское изобретение?

Словом, в Америке как будто бы всё есть!

Только вот идеологии американизма, столь широко рекламируемого, не существует.

Дать научное обоснование американизма учёные США явно не в состоянии, несмотря на все их потуги.

Американская Философская ассоциация недавно с грустью призналась в отсутствии «общих основных принципов, составляющих определённую философию». Поговорка «Сапожник без сапог» в американском варианте звучит так: «Философы без философии».

Истина и мудрость не растут на древе американских философских школ. И не удивительно. Как отметил прожжённый политикан Клемансо, изумившийся грандиозностью масштабов американской дикости и невежества, «Америка чудесным образом перешла прямо от варварства к вырождению, миновав промежуточную ступень цивилизации».

К сетованиям американских любомудров, не наживших хотя бы плохонького философского капитальца, присоединяется печать.

«Нацизм имел «Майн кампф», а у американизма нет своей книги»,— горько скорбит журнал «Лук». И тут же наскоро стряпает для своих читателей идеологический «букварь».

«Ваше право размахивать руками,— гласит 22-й пункт букваря,— кончается там, где начинается нос другого».

Это утверждение находится в вопиющем противоречии с американской привычкой нахально совать руки куда попало. Впрочем, остальные 40 пунктов этого немудрого сочинения не содержат даже и столь глубоких мыслей.

С американской прессой, как печальная кукушка, перекликается английская: «Сейчас нет под рукой ничего, кроме фашизма и католицизма, чтобы противостоять коммунистическому учению»,— терзается в «Нэйшнл энд инглиш ревю» молодой придурковатый лондонский банкир Джон Линдсей Эрик Смит.

Словом, по части собственной идеологии его величество король Уолл-стрит Последний щеголяет нагишом. Правда, философская мантия шилась для него давно. На неё пошли ветхий подрясник епископа Беркли, лоскутки и побрякушки с дурацкого колпака Ницше и много другой реакционнейшей идеологической рвани, догнивающей на свалках Европы.

Наряд получился неказистым. Несмотря на тщательную американскую химическую чистку, от него несёт тленом. Чего-то определённо не хватает. И американский империализм решил теперь напялить геббельсовские пропагандистские штаны. Они пришлись ему впору.

Сейчас официальная идеология США — фашизм.

«Мы воспитаем молодёжь, перед которой содрогнётся мир, которая будет похожа на диких зверей!» — кликушествовал Гитлер.

«Мы должны научиться искусству убивать,— рычит ныне преподобный Нэнс, ректор университета в Тампа, Флорида.— Закон джунглей должен стать основой американской политики!»

«Насильственно распространить американское руководство на весь мир! Американцы — высшая раса!» — бьёт в барабан советник президента Джон Фостер Даллес. Тот самый, о котором американская газета «Нейшнл гардиан» недавно писала: «Услышать слово «честь», слетевшее с губ Джона Фостера Даллеса,— всё равно, что услышать слово «любовь» из уст блудницы».

«Насилие, грубое физическое насилие,— в конце концов самое надёжное средство»,— поучал недавно усопший Джон Дьюи, признанный глава американской философии мокрых дел. Английский коллега Дьюи, лорд Бертран Рассел, разрабатывает теорию «психологической оправданности» гитлеровских зверств, подводит «научную» базу под Освенцим и Майданек, а тем самым и под Кочжедо.

Дядя Сам собственноручно вписал не одну трагическую страницу в кровавую историю кровавого империализма. Не сегодня возникли его склонности громилы и убийцы. Можно смело утверждать, что любовь к фашизму родилась в США раньше самого фашизма. Уже перед второй мировой войной там существовало 750 различных фашистских организаций.

В прошлые времена получение наследства от богатого американского дядюшки было притчей во языцех. Теперь же сам дядюшка унаследовал готовенькую людоедскую философию.

А насчёт своей собственной идеологии?.. Чего нет, того, простите, нет!

Г. ТОПОРКОВ

ТРИУМФ ЖОДУАНА

КОМСОМОЛЕЦ Вася Кувшинников, недавно направленный на работу в торговую сеть, стоял перед старшим продавцом фруктового отдела «Гастронома» Егором Лукичом и почтительно слушал. Широкое веснушчатое лицо его выражало внимание и готовность преодолеть любые трудности в освоении новой специальности.

— В нашем отделе вам будет работать приятно,— говорил Егор Лукич, поглаживая свои пышные усы,— товар наш благородный, можно сказать, радостный товар. Я вот тридцать лет работаю по фруктовой части.

— Мне, главное, быстрее бы освоить технологию и названия,— деловито сказал Вася.

— У нас названий нет, а есть ассортимент по утверждённому прейскуранту,— поправил Васю Егор Лукич.— А насчёт умения с одного взгляда определять сорт фрукта, степень его помятости и по какой цене его пустить,— так это с годами даётся. Впрочем, вы человек молодой, быстро всё схватите. Вы, например, лично, каким сортам яблок больше симпатизируете?

— Всем, — чистосердечно признался Вася.

— Как можно! — На лице Егора Лукича изобразился ужас.— Один покупатель любит и завсегда спрашивает «золотую грайму». Другому подавай только «ренет орлеанский». Третий предпочитает «королевскую коротконожку» либо «бойкен»... У каждого человека должен быть свой вкус...

Старик подвёл Васю к прилавку, на котором соблазнительными грудами желтели, розовели и пылали ярким багрянцем различные сорта яблок.

— Пока торговля не начиналась, попробуйте запомнить, где какой сорт лежит. Вот этот, что слева, «пепин лондонский», вот «кальвиль снежный». Рядом другие ренеты, «кандиль-синап», а за ним жёлтые — «бельфлёры».

У Васи на лбу выступили капельки пота. Мудрёные названия спутались у него в голове, и он растерянно уставился на прилавок. Оказывается, торговать яблоками не так-то просто, как казалось ему с первого взгляда.

— Они что, эти яблоки, из-за границы привезены?

— Зачем? Все на нашей земле выросли!

— Почему же у них такие чудные названия?

— Этого уж я не знаю.— Старик пожал плечами.— По прейскуранту так обозначены.

— А русских сортов в магазине нет?

— Да это и есть русские сорта, чудак-человек!

— А «королевская коротконожка»?

— И она, конечно!

Вася с сомнением ещё раз оглядел расстилающиеся перед ним розово-золотистые россыпи.

— Почему же их так называют? В честь королей, что ли?

— Ей богу, не знаю! Тридцать лет работаю, а, признаться, не поинтересовался. Привыкнете — сами разберётесь, что к чему...

Магазин открылся. Перед прилавком во фруктовом отделе появились первые покупатели. Егор Лукич и Вася, одетые в ослепительно-белые халаты, приступили к своим обязанностям.

Какой-то покупатель, с тремя рядами орденских ленточек на груди, попросил их певучим украинским выговором:

— Мне бы груш килограммчик.

— Пож-жалуйста! — И Егор Лукич с приятнейшей улыбкой начал скороговоркой: — Предлагаю вашему вниманию знаменитое «бере». Какое предпочитаете?

— Чего? — спросил покупатель.

— Их у нас несколько сортов, берейто,— пояснил Егор Лукич.— Одни любят «бере Александра», а другие, наоборот,— «бере Арданпон».

— А украинские дули у вас есть?

— Никак нет! Рекомендую: если «бере» не хотите, «пасс-крассон» и «триумф Жодуана».

Посетитель покачал головой, вздохнул и отошёл от прилавка. Егор Лукич сердито расправил усы. А Вася, ткнув пальцем в какую-то грушу, робко спросил:

— А это какой сорт?

— «Кюре». Она же «пасторская»,— сухо ответил старик,— в честь французских попов названа.

— А давайте мы её как-нибудь по-русски назовём, а?

— С ума сошёл! Она же так в прейскуранте обозначена. Вот взгляни.

Вася взял и поныне действующий прейскурант розничных цен № 15 Министерства торговли СССР. Фруктовая группа в нём пестрела иностранными названиями, как каталог какой-нибудь заграничной фирмы. Только в самом конце длинного перечня сортов яблок была приписана короткая строчка: «III группа. Все прочие сорта».

— Ну, это — безобразие! — возмутился Вася.— А где же наши мичуринские сорта? Где «белый налив»? Где «московская грушовка», где знаменитая «коричневка», «титовка», «боровинка»? Почему их нет в прейскуранте?

Егор Лукич, насупившись, проворчал:

— Не могу знать. Тридцать лет работаю, и сам тридцать лет удивляюсь.

Н. БАЖЕНОВ

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

В Верхнем Мамоне (Воронежской области) райисполком мало заботится о благоустройстве. В селе двадцать лет назад был разбит сад. Сейчас сад разгорожен, в нём пасётся скот.

— Если бы не пастух со свирелью, здесь можно было бы просто помереть со скуки!

В. ГРАНОВ

ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ЗРИТЕЛИ

В колхозном клубе станицы Пришибской всего 50 стульев, и зрители ходят в кино со своими стульями. Председатель колхоза тов. Скорикова не спешит с покупкой стульев, хотя на нужды клуба выделено 25 тысяч рублей.

Х. БОЛОТОКОВ

Кабардинская АССР,
Майский район.

Хоть стул в кино тащить и мудрено,
Но клуб оценки удостоен высшей:
— Нам обижаться, право же, грешно...
Спасибо Скориковой, что в кино
Ходить не надо со своею... крышей!

ВОПРОС С БОРОДОЙ

Больше двух лет назад районные власти решили построить в посёлке Бурли Дом пионеров, но до сих пор ничего не сделано. Зав. районо тов Кудебаев переселился со своими сотрудниками в двухкомнатный домик, где ютятся пионеры, и на этом успокоился.

Б. КАПЕЗОВ

Казахская ССР,
Карабалыкский район.

Увы, протекают года! Вот беда!
И даты сменяются датами.
Уже у «вопроса» седа борода.
...И вырастет Дом пионеров, когда
Удастся им стать бородатыми!

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Директор бутурлиновского Дома культуры тов. Кониченко груб с посетителями. Студенты местного техникума просили предоставить им журналы, шахматы и шашки, но Кониченко не пожелал с ними разговаривать. С директора берут пример и другие работники: контролёр Гунько нецензурно ругает посетителей.

А. РЫБАЛКО

г. Бутурлиновка,
Воронежской обл.

Зайдёшь в Дом культуры и в полночь и в рань:
Кругом непробудная слышится брань.
Работники Дома культурны вполне
Бывают обычно... лишь только во сне!

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Триста школ Горьковской области нуждаются в ремонте.

Ученье — свет, а неотремонтированных школ тьма-тьмущая.

(Поговорка, бытующая в Горьковской области).

ПАУТИНА

В УГЛУ, где не бывает воздуха и света, куда не проникает заботливая человеческая рука, заводится паутина. Никем не тронутая, она разрастается, покрывается пылью, чернеет, обвисает лохматыми клочьями. В наиболее заброшенных местах паутина может достигнуть больших размеров, стать омерзительно страшной.

Лет двадцать пять назад в доме № 3 по Всеволожскому переулку в Москве завелась паутина. Это был обычный кухонный скандал между Хасей Иосифовной Иоффе и её соседями. Но тогда паутину никто не смёл, предоставив ей возможность расти и укрепляться.

Через несколько лет из-за непрерывных скандалов, доходивших до судебного рассмотрения, домоуправление переселило Иоффе в квартиру № 8. С переселением Иоффе окончилась спокойная жизнь и в этой квартире. Скандалы, оскорбления, судебные дела повисли над жильцами квартиры, как неотвратимое несчастье.

В 1935 году домоуправление переселило Иоффе в квартиру № 21, где жили тогда Копейкины-Квирилиане, Красько, Добрынина. Жили эти люди до той поры мирно, не знали ни ссор, ни обид. С приездом Иоффе и здесь всё изменилось.

С тех пор прошло шестнадцать лет, но Квирилиане, рассказывая о том, как ей вместе с другими жильцами впервые в жизни пришлось предстать перед судом в качестве обвиняемой в избиении Иоффе, начинает дрожать от волнения.

Суд оправдал невиновных, но предоставил симулянтке Иоффе и дальше свободно ткать паутину.

Серьёзным опытом уже был вооружён этот паук, многолетней безнаказанностью воодушевлялись его действия. Разбросать мусор в ванной и в коридоре, облить проходящего водой, скинуть с плиты кастрюли с супом, распахнуть на ночь входную дверь — для Иоффе обычное дело. Злобно бросить ядовитое слово, целясь по самому больному месту, оскорбить память умершего, высмеять физический недостаток — для неё пустяки. Вцепиться в волосы, схватить за нос — испытанный приём, чтобы вызвать обиду, возмущённые упрёки, взволнованный тон в разговоре... И тогда она подаст в суд за оскорбление и травлю.

Она явится перед судом в чёрном, со слезами на глазах, со справкой об избиении, как скорбная жертва, как живой упрёк человеческому бессердечию.

Прерывающимся голосом, опустив глаза, она расскажет о том, что вот она одинокая, беззащитная и слабая, а их много, здоровых и сильных, и суд поверит ей так, как поверил врач, осматривая нащипанные ею самой синяки, порезанные ею руки.

Её знакомые Хейфиц, Дементьева, Марголис и Гольдина готовы дать в суд, в прокуратуру любые справки о том, что она затравлена соседями. Не важно, что они не знают людей, против которых пишут, что никогда не были свидетелями происходящего в квартире. Они поверят ей на слово.

Иоффе знает по опыту многих лет, что управляющий домом Юдин, работники 60-го отделения милиции, юрисконсульт райсовета Милославская и даже председатель Фрунзенского райсовета Субботин — все отмахнутся от грязной паутины, не станут разбираться в том, кто прав, кто виноват.

Не выдерживая оскорблений, обид, бесконечного таскания по судам, жильцы квартиры № 21 поспешно меняли свои комнаты, но и новые соседи не избегали своей участи. Ждут не дождутся того дня, когда удастся выехать из квартиры № 21 главный механик завода Малов, техник Малова, кандидат наук Вительс, научный работник Цвик, учитель Шевелев.

Но не проще ли вымести грязную паутину и открыть настежь окна квартиры № 21 по Всеволожскому переулку?!

Пусть живут люди спокойно и радостно, как им и положено.

Н. ПОКРОВСКАЯ

В ЖАРКИЙ ДЕНЬ НА ПЛЯЖЕ

Рис. И. СЕМЕНОВА

— Товарищи! Помогите вынырнуть!..

— Дайте воды! Мне душно!..

— Здесь тоже невозможно добраться до воды!..

— Нырнуть, конечно, можно, но трудно угадать, где вода!..

— Граждане, помогите перебраться на ту сторону!..

— Простите, я, кажется, на вашей ноге стою!
— Право не знаю! Если нога в коричневой тапочке, то это моя!

— Гражданочка, подвиньтесь, пожалуйста! Дайте и мне возможность в воду попасть!..

— Кто это так усердно ногами машет?
— Это какой-то гражданин ещё утром нырнул и никак выбраться не может!

— В прошлый раз я на этом месте окуня поймал!
— На мотыля или на живца?
— Нет, в ногах запутался!

НА НИВЕ ВОСПИТАНИЯ

Кромской райисполком назвал вещи своими именами: заведующая детским садом тов. Дегтярёва растратила государственные деньги, незаконно завысила стоимость дневного питания, получала продукты на не посещающих сад детей, а потому исполком решил: Дегтярёву с работы снять и привлечь к судебной ответственности.

— Не имеете права!— загрохотал вдруг руководящий бас заведующего Орловским областным отделом народного образования Кузнецова.— Дегтярёва работает в нашей системе. Мы сами умеем наказывать своих подчинённых.

И наказал. Наказал со всей строгостью, на какую был способен: объявил Дегтярёвой... строгий выговор.

— Выговор — только и всего? — удивились в Кромах и попытались разъяснить Кузнецову: — Дегтярёва растратила 11 432 рубля, она не может заведовать детским садом.

Тогда областное начальство бархатным басом предложило Дегтярёвой погасить растрату и внести... 2 тысячи рублей.

После этого удовлетворённый тов. Кузнецов посчитал свою миссию законченной, а преступление строго наказанным.

И теперь растратчица спокойно продолжает свою плодотворную (лично для неё) деятельность на ниве воспитания детей.

С НЕОЖИДАННЫМ КОНЦОМ

Пионеры Ярославской области невольно стали участниками игры с неожиданным концом. По условному сигналу (по постановлению обкома ВЛКСМ) дети были оставлены в дни каникул в городах и в течение полутора месяцев тщательно готовились к областному смотру художественной самодеятельности. В пионерские организации из областного центра выезжали инструкторы, просматривали репертуар, торопили детей. Наконец ко всеобщему удовольствию торжественно было объявлено, что начало смотра состоится через четыре дня.

В это время председатель комиссии по проведению смотра секретарь обкома ВЛКСМ тов. Козина незаметно уехала на курорт, позабыв утвердить смету и не позаботившись о жилье для участников смотра.

И вот когда главные силы детей уже были готовы двинуться к вокзалам, из обкома на них обрушилась молния: «Смотр переносится».

На этом пока закончилась игра, затеянная обкомом комсомола. Сотни пионеров остались в явном проигрыше.

Впрочем, ничего не выиграл при этом и авторитет обкома ВЛКСМ.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ДЕКЛАРАЦИЯ ПОРОНАЙСКОГО ЗАГСА

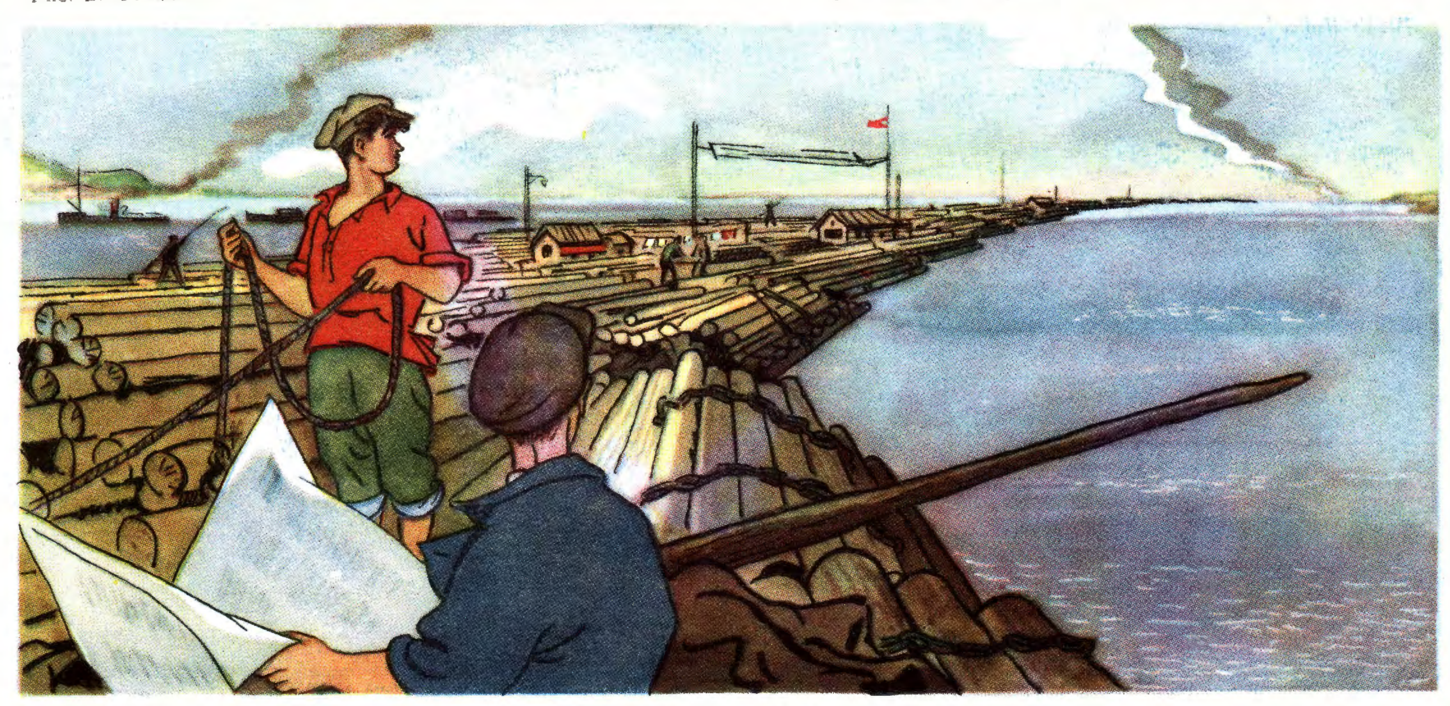
До последнего времени мы наивно полагали, что браки регистрируются не на небесах, а в загсах. Однако Поронайский загс (Сахалинская область) безжалостно разбил эту иллюзию, о чём и свидетельствует его декларация, адресованная гражданке К. И. Визгаловой:

«Поронайский райзагс отвечает, что в Поронайском райбюро загс регистрация брака не производится, а по этому просим вас обратиться туда, куда следует».

Не следует ли и нам обратиться куда следует, чтобы загс отвечал на запросы как следует?

Сплавщики треста «Камлесосплав» сформировали плот для Сталинградской ГЭС 120 метров шириной и 470 метров длиной. Такой гигантский плот сформирован за всю историю сплава впервые.

Рис. Б. ФРИДКИНА

— **Наш буксир куда-то исчез!**
— **Ушёл за горизонт! Земля-то круглая!**

Давши слово, держись!..

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Признаться откровенно, мы порядком поплатились за своё легкомыслие. Познакомившись раз со стилем работы художественно-оформительских мастерских Белорусского отделения Художественного фонда СССР, мы не должны были обращаться туда вторично.

В 1951 году художественно-оформительские мастерские взялись изготовить для нашего управления макет кирпичеобжигательной печи. Даже установили жёсткий срок — десять дней. Мы поверили и обожглись, так как не получили макета и через год.

История повторилась весной этого года, когда управление заказало мастерским производственно-технический плакат. Как нетрудно догадаться, плакат до сих пор не готов.

Вот видишь, как мы поплатились: деньги за работу давно уплатили, а работы никакой не видим.

Н. АФАНАСЬЕВ,
начальник производственно-технического отдела Управления по делам сельского и колхозного строительства при Совете министров БССР

г. Минск.

Товарищ Крокодил!

Когда в прошлом году строительно-монтажное управление Узхлопкостроя приступило к строительству гаража и общежития нашей школы, начальник Узхлопкостроя тов. Раппопорт и начальник СМУ тов. Зальцштейн торжественно заверили:

— Досрочно закончим!

Строители вырыли котлован, заготовили 200 тысяч штук кирпича-сырца, заложили стены будущего гаража и на том успокоились.

— Срок ещё только в будущем году, успеем, закончим!

К «будущему» году это строительство вышло в «подмоченном» виде: зимними дождями размыло 60 процентов заготовленного кирпича-сырца, котлован заплыл землёй...

— Не сомневайтесь, выстроим! — снова бодро заверили строители.

И опять начали рыть котлован, заготовлять кирпич-сырец и опять обещают:

— Срок до осени. До осени-то мы десяток таких строительств закончим!

А уже лето проходит...

...Грош — цена такому обещанию, которое не выполняется. Хуже того: невыполненное обещание влетает государству в хорошую копеечку.

РИЗАЕВ,
директор Мирзачульской школы механизации хлопководства

г. Мирзачуль, Ташкентской области.

ВСЕ В ПРОШЛОМ

(К ПЯТИЛЕТИЮ ГАЗОПРОВОДА САРАТОВ — МОСКВА)

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

ПРИМУС:— Бывало, я на всю Москву шумел!..

Уважаемый Крокодил!

Знаешь ли ты, что такое магнитофон? При помощи этого аппарата можно производить запись событий на местах и передавать известия в эфир. Мы получили телеграмму, в которой сообщалось, что нам в Москве выделен новый магнитофон. Стали мы его ждать, но не дождались.

На наши запросы тт. Кузнецов и Морозов из «Союзрадиоснаба» атакуют нас встречными запросами, интересуясь нашим точным железнодорожным адресом. Между тем стоит им только посмотреть на географическую карту, как они увидят, что у г. Дудинки никакой железной дороги, к сожалению, пока нет, а магнитофон следует отправить поездом до Красноярска.

Поэтому просим тебя, дорогой Крокодил, использовать находящийся в распоряжении работников «Союзрадиоснаба» магнитофон и записать на плёнке их многочисленные обещания.

А. НИКОНИРОВ,
редактор «Последних известий» Таймырского комитета радиоинформации

г. Дудинка.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Москва. Изд. № 657. Подписано к печати 2/VIII 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04453. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1985. Тираж 300 000 экз.

жон Фостер Даллес требует создания в Европе «железного треугольника», состоящего из Западной Германии, Испании, Турции.

Рис. Ю. ГАНФА

ОРКЕСТР ПОДЖИГАТЕЛЕЙ

Новый ударный инструмент.

